

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184

Научная статья

**«Образ мира, в слове явленный...»
(на материале творчества поэта-билингва
Бахыта Каирбекова)**

В.А. Маслова

Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет «МИТСО»
Республика Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А

Аннотация. Цель данной статьи — показать, что образ мира поэта-казаха, репрезентированный русским языком, отличается как от русского образа мира, так и от казахского, т.е. чужой язык способен трансформировать национальный образ мира. На материале творчества казахского поэта, переводчика Бахыта Каирбекова показана возможность формирования транснационального сознания через общечеловеческие и национальные образы. Его поэзия — это образное понимание мира. Обращение к его творчеству обусловлено не только его незаурядным талантом, но и тем, что нам почти неизвестно, каков современный казах, каков мир его древней родины. Это было достигнуто с помощью метода лингвокультурологической интерпретации, с помощью которого, во-первых, выявлялось несоответствие образов казахской и русской этнокультур, а во-вторых, фиксировалась трансформация национального образа мира.

Все основные проблемы, поднимаемые в поэзии Бахыта Каирбекова, рисуют образы казахской культуры, родина для него стала одним из главных аккордов творчества, но в его творчестве почти нет прямых номинаций (отечество, страна и др.), родина предстает через сопряженные образы коня, степи, приволья, рек, воды, гор, неба, звезд и т.д. Поэтический образ у него не есть фотографическая копия реального мира казаха (степь, горы и т.д.), в нем присутствует отношение изображаемого к эстетическим, нравственным и интеллектуальным ценностям своего народа.

Ключевые слова: поэтика, образ мира, миропостижение, мировосприятие, архетипы, онтология языка

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: О.А. Валикова

© Маслова В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Маслова В.А. «Образ мира, в слове явленный...» (на материале творчества поэта-билингва Бахыта Каирбекова) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 176–184. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184

Research Article

“The Image of the World in the Word Appeared...” (Based on the Creative Work of the Bilingual Poet Bakhyt Kairbekov)

V.A. Maslova

Vitebsk Branch of the Federation’s of Trade Unions Educational Institution of Belarus
International University «MITSO»
8A, M. Shagall str., Vitebsk, 210010, Belarus

Abstract. The purpose of this article is to show that the image of the world of the Kazakh poet, represented by the Russian language, differs both from the Russian image of the world and from the Kazakh, i.e. a foreign language is capable to transform the national image of the world. On the basis of the creative work of the Kazakh poet, translator Bakhyt Kairbekov, the possibility of forming a transnational consciousness through universal and national images is shown. The appeal to his work is due not only to his outstanding talent, but also to the fact that we almost do not know what a modern Kazakh is like, what the world of his ancient homeland is like, nevertheless we live side by side. It was achieved using the method of lingua-cultural interpretation, with the help of which, firstly, the discrepancy between the images of the Kazakh and Russian ethno cultures was revealed, and, secondly, the transformation of the national image of the world was recorded. All the main problems raised in the poetry of Bakhyt Kairbekov draw images of Kazakh culture, the Motherland for him has become one of the main chords of creativity, but in his work there are almost no direct nominations (fatherland, country, etc.), the homeland appears through conjugated images of a horse, heath, freedom, rivers, water, mountains, sky, stars, etc. His poetic image is not a photographic copy of the real world of a Kazakh (heath, mountains, etc.), it contains the attitude of the depicted person to the aesthetic, moral and intellectual values of his people.

Key words: poetics, the image of the world, transcendental, world-perception, archetypes, ontology of language

Article history:

Received: 03.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Maslova, V.A. 2021. "The Image of the World in the Word Appeared ..." (Based on the Creative Work of the Bilingual Poet Bakhyt Kairbekov)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 176—184. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184

Введение

На сегодняшний день отсутствует непротиворечивая теория поэтики, что на первый взгляд кажется странным: интерес к ней начинается еще в античности (Аристотель). Теория не складывается, вероятно, потому, что поэзия сложна и полна глубинными смыслами, которые трудноуловимы и трудноисчислимы.

Но теория поэзии важна и нужна, так как поэзия — одна из важнейших форм существования культуры, она взаимодействует с музыкой, живописью, философией, религией, психологией и др. А. Эйнштейн утверждал, что даже в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Поэтому осмысление поэзии, попытка проникнуть в тайну ее воздействия — актуально не только для поэтики, но и для лингвистики в целом, теории культуры, философии и других областей знания. Знание законов и особенностей поэтического языка поможет вскрыть некаузальные отношения в мире, которые мало исследованы, но именно они помогают понять иные законы бытия.

Поэзия — это образное видение мира. Образ — это специфическая трансформация знаковой материи в смысловую, это преобразованный в искусстве фрагмент действительности. С помощью языковых знаков автор создает многомерные художественные миры, образы. По мнению Г.О. Винокура, всякому художественному слову свойственна «неизбежная образность каждого слова» [1]. Объединяясь между собой, такие слова создают голограмму мира, которую поэт учит нас видеть и понимать. Покажем это на примере: *Пламя плавно танцует в камине, / Что-то пламенное говорит* (Б. Беззубов). Образ танцующего пламени усиливается наречием *плавно*, создающим особую гармонию и покой, нарушаемый лишь *пламенными* речами о любви или еще каком-нибудь ярком позитивном чувстве. Г.В. Степанов утверждал: «художественное творчество есть прежде всего образотворчество, и первоэлементом его является слово-образ» [2. С. 135]. Универсальной для всех типов текстов является формула «Действительность — Смысл — Текст»; для художественных текстов она преобразуется в следующую: «Действительность — Образ — Текст» [2. С. 149].

Особое направление в разработке теории образа развивается Г.Д. Гачевым, Г.В. Степановым и др. Образ как лингвистическая категория рассматривается в трудах В.В. Виноградова, А.И. Ефимова, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, С.М. Мезенина, А.И. Федорова, Т.З. Черданцовой, С.М. Прокопьевой, Н.В. Павлович и др. С точки зрения лингвистов, языковой образ — это особое употребление языковых единиц, при котором возникает семантическая двуплановость. Мы рассматриваем в данной статье поэтический образ с позиции лингвокультурологии, т.е. как явление культуры. В образе целый мир культуры. Например, есенинский образ *Имба-старуха челюстью порога / Жует пахучий мякиш тишины* — ярчайшее

изображение наступающего вечера с его затишьем. Даже чуть-чуть изменив этот образ, мы разрушим всю картину, отнимем у нее национальный дух и местный колорит, тем самым уничтожим все стихотворение.

Поэтический образ самодостаточен, он создается звуком, ритмом, синтаксической конструкцией, графикой и т.д., чаще всего эти средства используются в совокупности, но иногда для создания яркого незабываемого образа достаточно одного. Так, К. Бальмонт широко пользуется звукописью, в его стихотворении «Шорохи» магия ритма и завораживающее колдовство звуков воздействуют на чувства человека, проникая в душу мимо рассудка: *Шорох стеблей, еле слышно шуршащих, / Четкое в чащах чирикание птиц, / Сказка о девах, в заклятии спящих, / Шелест седых, обветшавших страниц*. Шипящие и свистящие согласные создают картину загадочных шорохов ночной природы.

Поэтический образ возникает при сближении несходного (В.Б. Шкловский, Н.В. Павлович), например, глаза — рубины, глаза — стрелы, глаза — звезды. Чем дальше сближаемые объекты в реальном мире, тем ярче образ: *Ее глаза — как два тумана, / Полуулыбка, полуплач, / Ее глаза — как два обмана, / Покрыты мглой неудач* (Н. Заболоцкий).

Цель статьи — показать, что образ мира поэта-казаха, репрезентированный русским языком, отличается как от русского образа мира, так и от казахского, т.е. чужой язык способен трансформировать национальный образ мира.

Материал и методы. Материалом стала поэзия талантливого современного казахского поэта, переводчика Бахыта Каирбекова; методами исследования — такие общенаучные методы, как анализ, сравнение, обобщение. Использовался также контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа, метода лингвокультурологической интерпретации. Метод лингвокультурологической интерпретации использовался с целью выявления и объяснения причин несовпадений образов казахской и русской этнокультур, отражающих национально-культурную специфику менталитета этносов.

Обсуждение

Онтологическим свойством поэтического языка является не только его самоценность (Малербо сравнивал его с танцем: если, например, идущий направляется к цели, у пляшущего нет цели, точнее, она в самом танце), но и уникальная глубина его смыслов, способных трансформировать национальную картину мира, если поэт пишет на чужом языке. Какие-то явления в поэтическом языке можно исследовать точно, в онтологии же абсолютного большинства других заложена принципиальная неточность, размытость. И тогда многое зависит от субъективного взгляда исследователя. Вероятно, таков поэтический образ.

Попытаемся посмотреть на сказанное с позиции Бахыта Каирбекова. Обращение к его творчеству обусловлено не только его незаурядным талантом, но и тем, что нам почти неизвестно, каков современный казах, каков мир его древней родины.

И хотя соплеменница поэта, сама очень тонкий лингвист, У. Бахтикиреева считает, что «целостность личности Бахыта и его творчество невозможно разделить, разложить по полочкам и вместить в папочки» [3. С. 392], все же попытаемся это сделать.

Как всякий хороший поэт, Бахыт Каирбеков пытается через поэзию найти ответ на важный для каждого человека вопрос: «Кто я?», т.е. стихи у него становятся способом постижения самого себя: *Я — наследник холмов, этих странных туманов («Духовнику»); Сейчас я — жеребенок, что, не чуя ног, / Вдруг впрыгнул в лето — как в мечту свою.* И если быть наследником своей земли характерно и для русского образа мира, то во втором двустишии он принимает сакральный для казаха образ коня, жеребенка. Этот образ хоть и используется в русской поэзии (например, у Марины Цветаевой чаще всего конь — стихия: *пожирающий огонь — мой конь*; через этот образ у нее представлена родина — *Ох, Родина-Русь / Неподкованный конь... зачарованный конь*), иногда лирический герой отождествляет себя с конем (*Я же и конь, / Я ж и погоня*), но никогда не «превращается» в коня, как у Б. Каирбекова. Девиз жизни у поэта тоже связан с этим образом: *Быть собою всегда! Быть в седле!* И даже сама жизнь для него — кочевье: *Я кочую в седле бессменно, / Не задумываясь о судьбе.* Жизнь в движении, в седле — это образ мира казаха.

Нарисованный им поэтический автопортрет — это сам процесс возрождение поэта после какого-то жизненного потрясения:

Автопортрет

Редкая удача: за хмельным дождем
Хлопотунья-ласточка залетела в дом,
Надо мной поникшим пронеслась стрелой
И опять порхнула в небо — в мир другой.

И как будто срезала пути надо мной
Ножницами-хвостиком! —
И с минуты той
Я поверил снова в чистый небосвод,
Солнце заревое нежно к сердцу льнет.

Я росой умылся и пошел босой,
Словно бог рожденный,
Горд своей судьбой.

Стихотворение наполнено народной стихией, в которой сливаются воедино и народные обычаи (символически разрезать пути малышу, чтобы он начал ходить; это делает ласточка своими *ножницами-хвостиком*), и древнее шаманство (*Солнце заревое нежно к сердцу льнет*), и его новое рождение в культуру (*Я росой умылся и пошел босой, / Словно бог рожденный...*).

Одной из наиболее важных в духовном миропостижении и опыте Бахыта Каирбекова является тема любви к родной земле, отчому дому, которая также имеет национальное преломление. Привязанность к родине в крови не только у славян, но и у казахов, которые с иронией относятся к сентенции: где прибыль, там

и родина, что характерно для нового поколения русских. Как известно, лексема «родина» имеет несколько значений: это страна, в которой человек родился и гражданином которой он является (*Не небесам чужой отчизны — Я песни родине слагал*. Н. Некрасов); это место зарождения, возникновения чего-либо. Синонимами к слову «родина» в русской культуре стали слова «отечество», «отчизна», «государство», «страна», «родная земля». У казахов это «степь», «вода», «горы», «кочевничество»:

Только нам дано, наверно, свыше
Кочевать всю жизнь из края в край!

В поэзии Бахыта Каирбекова, для которого родина стала одним из главных аккордов творчества, почти нет прямых номинаций (отечество, страна и др.), родина предстает через сопряженные образы степи, приволья, рек, воды, гор, неба, звезд:

Возвращаюсь в речное приволье
Из степей необъятной Арки,
И встречает меня синегорье,
Уже издали радуя видом своим.

Полукружьем раскроет объяття,
Напоит ледниковой водой,
Силы те, что дорогой растратил,
Знаю: мне возвратит он с лихвой.

Любовь к родине согревает и поддерживает лирического героя в трудные минуты, возвращает ему силы. Его родина — это суровый край, в котором проявляется истинная человеческая сущность: *Здесь холод веет с гор. / Здесь каждый человек / И муравей и бог.*

Бахыт Каирбеков кровно связан с востоком, его бытом, судьбою, духом:

Степь. Цикады. За речкою юрта.
Полог поднят.
Кизяк задымил...
Мир кочевья — родного уюта —
Где я не жил...
И вроде бы жил.

Мы видим, что поэтический образ родины он рисует с помощью казахских реалий: ослик, арба, лепешки, тандыр и др. Обращают на себя внимание такие строки: *Где я не жил... / И вроде бы жил*. Лирический герой вырос в условиях городской культуры, которая более интернациональна, национально индифферентна. Но он «вроде бы жил» — это память культуры, голос крови являют ему такой образ родины. Эти образ отличается от традиционного казахского образа, в котором кочевье — образ жизни, но не уюта. Поэзии Б. Каирбекова свойственна романтизация национальной природы, и этим его образ мира отличается от традиционного казахского, а от русского его отличают национальные реалии.

Восприятие родины поэтом — это непрестанно чередующиеся образы, все время теснящие друг друга реалии и впечатления, образующие жизнь:

Здесь осень, лето и весна —
Одна пора — всегда награда,
И дыня — солнце и луна.
А звезды — гроздь винограда.

Гранат — огонь, арбуз — вода,
Зеленый чай — душе отрада.
И царская поистине еда —
Плов золотой под сенью сада.

В его поэзии мы видим теснейшую связь с природой. Природа — это первоэлемент бытия, через призму которой поэт воспринимает время вообще (*Идет за верблюдом верблюд. / Тянется дней караван*) и время взросления, в частности: *Жеребенок веселого детства / Ускакал в непроглядную ночь*. Окружающая поэта природа, входя в его сознание и преломляясь в нем, приобретает значение сложных концептуальных метафор, творящих казахский образ мира: жеребенок детства.

Думается, что объяснить это можно, применив концепцию К.Г. Юнга об архетипах. Архетипы, по Юнгу, — это «психические первообразы, скрытые в глубине фундамента сознательной души». Это система установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями. Они передаются по наследству вместе со структурой мозга. Это как бы хтоническая часть души, то есть та часть, через которую душа связана с природой, землей. «Влияние земли и ее законов на душу проявляется в этих первообразах, пожалуй, особенно отчетливо» [4. С. 29]. Такими первообразами у Б. Каирбекова являются степь и конь (жеребенок).

В сознании поэта восприятие родины не связано с упоминанием памятников, скульптур, государственной символики, зданий (хотя много стихов о родном городе), зато много изображений специфических ландшафтов, животных, растений, птиц («Родословная травы», «Покинутое гнездо», «Сезон бабочек», «Кум-тыква», «Чернослив», «Цветущий урюк», «В горах», «Дождь — не гость», «Путь воды», «Обращение к песку» и др.).

Бахыт Каирбеков формирует свое видение мира не только на основе переработки собственного опыта, своих мыслей и переживаний, но и в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков, который зафиксирован в мифах и архетипах. Эпиграфом ко всему его творчеству можно было бы взять его же слова: «Я хочу обогреться у очага своей культуры». О народной культуре сказано много, по-разному, каждая ее деталь становится основой для формирования личности поэта:

Но всем я обязан двужильной домбре —
Судьбой и дорогой, что выбрал себе.

Поэт находится в гармонии с природой:

Солнце белесый паук —
Ткёт на окне паутину...

Культура — это «вторая природа», — утверждают философы [5. С. 59], потому что она возникла на основе отношения человека к природе. Именно природа дает Б. Каирбекову образы для мировосприятия: небесный свод так же отражает мир, как глаз коня: *Как конь, свой глаз — небесный свод — скосив.*

Степь для него не только раздолье, но место, где есть возможность уединиться. Поэт раскрывает нам книгу казахской Степи и учит ее читать и почитать:

Костер в степи — он к небу обращен
И языки его — молитвы сердца.

В этих строках выражено особое психологическое состояние лирического героя, когда то, на что не обращаешь внимания днем, ночью, при костре, становится очевидным: открывается путь к Богу, которому можно молиться всем сердцем, тогда случится обновление и очищение.

Бахыт Каирбеков — поэт, который не просто имеет дело с природой, он находится внутри нее и может перенести это ощущение в поэзию. Все природные первосущности его поэзии многолики, например, дождь: Капля дождя способна спасти жизнь: *Какая радость дождь! Полей обветренные губы, / Припавши к небесам, благодарят судьбу... Дождь — не гость. Он — собеседник старый. / Придет. И сядет. И заговорит.* Как видим, дождь — это жизнь и рождение нового одновременно, это собеседник и друг.

Заключение

Поэтическая картина мира Бахыта Каирбекова характеризуется субъективностью, эмоциональностью, творческой работой воображения, ассоциативностью. Его поэтический дискурс состоит из индивидуально-авторских текстов, которые являют собой, с одной стороны, субъективную, а с другой — национальную трактовку мира. Так, необычным для русского образа является понимание жизни как богатого восточного базара с его атрибутами: *Недаром говорят, — жизнь — торжище, базар, / Манят его роскошные прилавки! / И вот уже ты сам — его товар, / Растут тобой озвученные ставки.* Перед нами предстает целая система событий: зазевавшийся сам становится товаром, разменной монетой.

Поэзия обладает редкой способностью отчуждать мир человеческих чувств и переживаний, облекать его в слова и возвращать преображенным, поэтому образ в поэзии не столько зрительная картинка, сколько модель событий реальности.

Список литературы

1. *Винокур Г.О.* Избранные труды по языкознанию и культуре речи. Стереотипное издание. М.: URSS, 2019.
2. *Степанов В.Г.* Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988.
3. *Бахтикиреева У.М.* Чрезвычайный и полномочный художник девятой территории мира // Б. Каирбеков. Навстречу солнцу. Дневник путешествий: Стихи, эссе / Б.Г. Каирбеков. Алматы, 2014.
4. *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Ренесанс, 1991.

5. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.

References

1. Vinokur, G.O. 2019. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'ture rechi. Stereotipnoe izdanie. Moscow: URSS. Print. (In Russ.)
2. Stepanov, V.G. 1988. Jazyk. Literatura. Pojetika. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
3. Bahtikireeva, U.M. 2014. "Chrezvychajnyj i polnomochnyj hudozhnik devjatoj territorii mira". In *B. Kairbekov. Navstrechu solncu. Dnevnik puteshestvij: Stihi, jesse.* Almaty. Print. (In Russ.)
4. Jung, K.-G. 1991. Arhetip i simbol. Moscow: Renesans. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 1995. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. Moscow: Progress-Kul'tura. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, профессор кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций гуманитарного факультета Витебского филиала Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международного университета «МИТСО». E-mail: mvavit@tut.by

Bio Note:

Valentsina A. Maslova is a Professor, Professor of the Chair of Early Childhood and Preliminary Education, Faculty of Pedagogic, Vitebsk State University named after P.M. Masherov; Chair of the Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Humanities Faculty, Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus «International University «MITSO». E-mail: mvavit@tut.by